

УДК 821.511.131.09

В. М. Ванюшев, Т. С. Степанова

**ЖАНРОВАЯ СИНКРЕТИЧНОСТЬ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ Г. Е. ВЕРЕЩАГИНА.
К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА УДМУРТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ***

В статье на основе жанрового подхода рассматриваются особенности формирования прозы в творчестве Г. Е. Верещагина (1851–1930), первого удмуртского ученого и писателя. Жанровое своеобразие очерковых форм в период становления реализма определялось национально-историческими условиями его развития и может быть раскрыто в процессе конкретного анализа его наиболее типических форм. Материалом для анализа стали очерки «Камай. Из быта вотяков», «Тукташ – вотский знахарь, или туначи», повесть «Вуж мыж» («Ранее обещанная жертва») и «Этнографические эскизы». Научная новизна исследования определяется недостаточным изучением жанра очерка в период становления и развития удмуртской литературы. Исследование подтверждает выявленную ранее литературоведами дифференциацию очерковых жанров от начала их становления. Для очерковых форм Г. Е. Верещагина (очерк-рассказ, очерк-зарисовка и очерк-повесть) характерны такие особенности, как обилие изобразительно-выразительных средств, развернутые образные картинки, повествовательное начало.

Ключевые слова: Г. Е. Верещагин, фольклорно-этнографические сочинения, прозаический жанр, очерковые формы, зарисовка, очерк, рассказ, повесть.

Творчество Г. Е. Верещагина, как и любого писателя, характеризуется стремлением к реализации внутренних законов развития национальной литературы, обуславливающих «потребность отражения и преобразования действительности с точки зрения художественного сознания» [Голубков 2002, 7].

Для литератур Урало-Поволжья одной из характерных особенностей в нач. XX в. стал интерес писателей к очерковым формам, и эта тенденция связана с необходимостью откликаться на волнующие, животрепещущие вопросы, запечатлевая «факт» жизни [Козина 1991; Родионов 2011, 2012; Максимова 2018]. Факт, как и в любом художественном жанре, – материал для создания образов.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Удмуртской Республики в рамках научного проекта № 18-412-180006 p_a.

Одно из эстетических требований, предъявляемых к произведениям искусства – подлинность изображаемого [Domokos 1975, 151].

Очерк определяется как малая эпическая жанровая форма художественной литературы, с реалистической окраской, содержащая развернутое и законченное повествование о каком-либо отдельном событии, случае, житейском эпизоде, «основанное на фактах, документах, личных впечатлениях автора, т.е., в отличие от рассказа, как правило, лишенное элементов вымысла» [Белокурова 2012, 110].

Эти жанры можно было опубликовать в периодической печати мобильно, стиль их допускал не только эмоциональную насыщенность, но и художественно-поэтическую выразительность авторов.

В удмуртской литературе возникновение и развитие основных прозаических жанров можно представить в виде «ломаной линии», состоящей из отрезков «чистой формы» (очерк, рассказ, повесть, роман) и многослойных синтетических структур (рассказ-очерк, рассказ-зарисовка, новеллистическая повесть, роман-хроника и др.).

В творчестве первого удмуртского писателя Г. Е. Верещагина прозаический жанр получил свое формирование и оформление, генетически восходя к его фольклорно-этнографическим сочинениям, где, как в элементе коммуникативной ситуации, доминируют информационная функция и ситуативный контекст, отсутствуют композиционные и стилистические каноны, эстетическая функция вторична, события отбираются и преобразовываются сквозь фильтр эпического повествования, что позволяет говорить об уровне контекстуальной реальности рассказа.

Очерки «*Гуждор*» («Лужайка» – праздник встречи весны. – В. В., Т. С.), «Встреча Великого князя в Завьялове», «Прикамские юродивые», «Камай. Из быта вотяков», «Тукташ – вотский знахарь, или туначи», повесть «*Вуж мыж*» («Ранее обещанная жертва»), «Этнографические эскизы» на русском языке – яркие примеры удмуртской прозы на раннем этапе ее становления.

Во всех произведениях Г. Е. Верещагина на первом плане – человек в окружении различных характеров и жизненных обстоятельств; изображение обычаев и нравов народа; художественное описание природы. В этом ключ к пониманию исторической необходимости появления, существования и развития очеркового жанра.

Произведения Г. Е. Верещагина основаны на реальных, личных впечатлениях автора: герои – типичные представители удмуртского народа. Учитывая документальную основу его произведений, литературоведы классифицировали их как *очерки*.

С Камаем, служителем языческих богов, Г. Е. Верещагин встретился впервые в 1872 г. в поле во время одной из своих прогулок, когда работал учителем в д. Ляльшур (второй год учительства, ныне Шарканский р-н УР) [РФ НОА УдмФИЦ УИИЯЛ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 455. Л. 181]. Камай так сильно заинтересовал его, что он начал собирать сведения о нем и в своих рукописях отмечал, что имя Камаея можно встретить во многих его работах [РФ НОА УдмФИЦ УИИЯЛ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 455. Л. 181]: в таких произведениях, как «Камай.

Из быта вотяков», «*Вуж мыж*» («Ранее обещанная жертва»), «Этнографические эскизы».

Примеры достоверных сведений о Камае, реальных биографических фактов в очерках мы находим и другие: «...*И в деревне, месте моего служения, я насчитал их* (служителей языческих верований. – В. В., Т. С.) *до пяти*» [Верещагин 1998, 177]; «*Таков был жрец Камай. Он, вероятно, сошел уже с арены жизни. С тех пор, как я уехал из деревни, о нем ничего не слышал. А добрый был мужик. Я бывал у него*», – и, по-видимому, он так был рад встрече, что «*не знал, чем меня угостить*» [Верещагин 1998, 179]. Бывал автор и у героя очерка «Тукташ – вотский знахарь, или туначи»: «*Учения в школе, где я был учителем, уже не было. Свободный от занятий, я ехал в соседнее село и по пути завернул к знакомому вотяку Петьру (Петру) в деревню Камайгурт*» [Верещагин 2004, 273], который и предложил сходить домой к Тукташу.

Так Г. Е. Верещагин от фактов своей биографии «шел» к жанрам рассказа и очерка.

Композиция в очерках «Камай. Из быта вотяков» и «Тукташ – вотский знахарь, или туначи» выстраивается через описательные формы, значительная роль при этом отводится аналитическому портрету и исследованию внутреннего, духовного мира человека, художественной детали.

Портретное описание героя важно, прежде всего, как воссоздание правды жизни, и, в отличие от художественного портрета, где «сходство» не является определяющим, в данном случае существенно именно «портретное сходство» [Дзюба 2013, 11]. В портретном описании автор подчеркивает особые черты характера Камая, подтверждаемые конкретными фактами его жизни. Вот как Г. Е. Верещагин описывает Камая: «*Нос имел небольшой, прямой, остроконечный; волосы – светло-русые, а усы и борода совсем другого цвета – рыжие*» [Верещагин 1998, 171].

Описательность приближает очерки к жанру зарисовки, иногда приобретая черты репортажа. При этом обрисовываются и сам автор, и люди, за которыми он наблюдает и с кем ведет диалог. Аналогичный подход отмечается в очерках «*Гуждор*» («Лужайка»), «Встреча Великого князя в Завьялове», «Прикамские юродивые», что указывает на общие признаки жанров очерка и зарисовки. Образными сравнениями, яркими эпитетами автор стремится эмоционально и динамично запечатлеть то, что проходит перед его глазами. Успех зарисовки зависит от впечатляющей живости отображенных деталей.

При изображении Камая подчеркивается такая деталь портрета, как трубка. Деталь в очерковом произведении – это одно из средств художественной типизации. Автор представляет своего героя как страстного любителя табака: «*Свой «тамак» курил он из корешковой трубки собственной работы. Трубка эта почти постоянно находилась в зубах его; в зубах же оставалась она и во время разговора, если только этому разговору не придавалось особенное значение*» [Верещагин 1998, 171]. Трубка «сопровождает» Камая везде: в гостях, во время пирушек, с трубкой во рту разговаривает он с дьячком Степанычем. Трубка – деталь, позволяющая автору раскрывать характер героя, манеру поведения, показывать его отношение к собеседнику. «*Знаешь ли, Камай Маматыч,*

хотя одну молитву? – спросил однажды жреца дьячок Степаныч <...> Дьячок думал поставить его таким вопросом в тупик, но «вотяцкий поп» сам поставил ему «камень преткновения». «Знаем, мыного знаем, – ответил жрец, не вынимая изо рта трубки. – Как? Ты знаешь? – изумился Степаныч и подумал: не ослышался ли он. – Я самый, Камай Маматыч, – произнес жрец с достоинством, вынув на этот раз изо рта трубку» [Верещагин 1998, 173–174]. С молодыми женщинами Камай тоже разговаривает с трубкой во рту, а с автором работы – учителем – без трубки. Воссоздавая облик героя, эта деталь позволяет придать описанию необходимую выразительность, конкретность и образность.

Наиболее насыщен по содержанию диалог между Камаем и личным автором, который предстает перед нами как любознательный и дотошный краевед-этнограф. Он деликатен со своим информантом, обращается к нему по имени-отчеству. В диалоге между авторским Я как повествователем и Камаем возникает конфликт. Они спорят, каждый отстаивая свою точку зрения. Повествователь сомневается в существовании *Нюлэсмуртов*, а жрец Камай отстаивает противоположное мнение. Так же спорят герои о существовании *Межа утисей* – Хранителей полевых границ.

Автору важно показать в очерке устойчивые, не меняющиеся явления жизни. Тукташ, герой другого очерка, живет один посреди леса, бескрайнего пространства. Он отказался от всего мирского и суетного, осознанно лишив себя благ цивилизации. Тукташ представляется в образе «блаженного». Используя лексические средства языка (сравнения, эпитеты, метафору), автор старательно подчеркивает каждый штрих в описании внешности героя. Широкое использование изобразительных средств сообщает очерку литературную силу. Таким автору предстает Тукташ: «Под деревом на каком-то обрубке сидел белый, как лунь, древний, как Мафусаил, старик и ковырял лапоть. Это и был ворожец Тукташ, на которого мне хотелось посмотреть. <...> Волосы и борода его были всклочены от колтуна и представляли собой куски войлока. Лицо, изрытое вдоль и поперек глубокими морщинами, своим цветом походило на мумию» [Верещагин 2004, 273–274].

Образ Тукташа Г. Е. Верещагин противопоставляет образу Камая. Камай – зажиточный крестьянин, уважаемый человек. Тукташ – отверженец, покинутый всеми, но в то же время довольный одиночеством и своим жильем. И тот, и другой нужны людям: Тукташ – как ворожец, Камай – как жрец, исполнитель обрядов.

Характер Тукташа раскрывается через окружающий его мир и интерьер жилья. Прием психологической характеристики персонажей с помощью описания предметного мира – большое достижение художественного очерка в начале его становления.

Вот как представлен интерьер Тукташа: «Как только ступил я за порог его жилья, <...> бросился мне в глаза старый-престарый стол самой грубой работы. Толстая грязь покрывала его кругом. На нем стояла берестяная утконообразная солонка, сплетенная при помощи кочедыка <...>. Рядом с солонкой лежала краюшка очень черствого хлеба, около которой жужжали мириады мух.

<...> В переднем углу ютилась божница из треугольной доски, и она представляла собой приют сажки, пыли и паутины. Здесь стояла старинная икона, <...>. Вся лицевая сторона ее представляла одну грязную доску цвета чернозема. Задняя и боковые стороны этой доски от лицевой не отличались: на них грязи было столько же, сколько на лицевой стороне. <...> Стены и потолок были, кажется, еще грязнее, так как дым во время топки печи, за неимением особой трубы, стоял до полу, от этого и стёкла в рамах были покрыты дегтеобразною грязью, и сквозь них не было видно ничего. <...> Между печкой и стеной было нечто вроде полатей, на которых старик спал и отдыхал. Пол хотя и был дощатый, но вследствие толстой грязи на нем, от земляного пола он не отличался. Единственному «рукотеру» старика, висевшему у лохани, можно было насчитать десятки годов» [Верещагин 2004, 276–277]. Такое описание жилища и окружающих вещей Тукташа подчеркивает, как важна писателю каждая деталь. Перед глазами встает картина, реально увиденная глазами этнографа и тщательно, с натуры зарисованная писателем-художником. Картины быта усиливают достоверность изображения.

Таким образом, Г. Е. Верещагин показал два наиболее характерных народных типа: жреца и знахаря. Образы Камай и Тукташа обрисованы через описание внешности, бытовые детали и мир вещей. Автор наделил героев конкретными чертами, индивидуальной судьбой, отказавшись от описания некоего абстрактного типа. Он не выводит описываемое на уровень общественных проблем и конфликтов, на уровень идеологически определенных выводов, в этом также заключается своеобразие очерка в начале его становления.

За конкретными лицами, изображенными автором, встает образ удмуртского деревенского общества кон. XIX в.

Непременный элемент поэтики очерков – ориентация на фольклорные жанры и их стилистику. Народно-поэтические элементы и этнографические реалии органично входят в содержание его очерков прозаика и активно участвуют в «строительстве» жанра. В очерке «Камай. Из быта вотяков» Г. Е. Верещагин, чтобы объяснить любовь к пению Камай, приводит легенду о *Межа утисе* (Хранителе полевых границ): «*Петь, говорят, надо в поле, когда рожь цветет... Вера «наша» старая так велит, чтобы, значит, духи не сердились. <...> А они поля берегут, озимь <...> чтобы черви их не ели. <...> А межи – дороги их. Они теперь ходят по межам, а ребятки их играют около меж. Если не будешь петь, то ребяток-то ушибить можешь, наступить на них и задавить*» [Верещагин 1998, 176]. Такие тексты-вставки несут в себе поэтическую, эмоциональную, философскую, социально-психологическую информацию о духовной и материальной культуре народа. Камай был воспитан на фантастических сказаниях, и в своих верованиях он был тверд, как алмаз. С упорством фанатика он защищает явление вихря, с которым они встретились в поле во время беседы с автором-повествователем. В этой части очерка приводятся сведения о *Нюлэс-мурте* (Лешем, или Лесочеловеком), где Камай приводит довольно длинный рассказ, присовокупив к нему несколько других сказаний [Верещагин 1998, 178].

Введение автором «чужого слова» в виде устного народного творчества в текст произведения демонстрирует, как формировалась особая творческая

манера писателя, отличительная особенность художественного слова которого – применение сказовой формы повествования, а также введение образов информантов-рассказчиков, когда слово автора-повествователя максимально редуцировано.

Не ставя перед собой цели в образной форме показывать развитие действия, автор вмешивается в ход описываемых событий от первого лица, что дает ему возможность свободно группировать материал, проводить многообразные сопоставления, аналогии, органично вписанные в хронотоп повествования. В переходных фразах, где автор-повествователь непосредственно предстает перед читателями, в тексте появляются субъективированные оценочные суждения автора, особенно ярко – в эпизоде сюжета, где он беседует с Камаем, когда они встретились в поле и обсуждали вопрос о так называемых хранителях полевых границ. Такие суждения автора придают достоверность написанному, когда он «прячется» за чужим именем, объясняя читателю этнографическую суть вопроса [Владыкина 2016, 15].

Знакомство с сочинениями о Камае и Тукташе создает впечатление их жанровой неоднородности, да и амплитуда жанровых колебаний внутри очерковой прозы сама по себе столь велика, что обращение к такого рода произведениям требует от исследователя более точного взгляда на внутрижанровые свойства текста. Стройное сюжетное повествование, наличие диалогов, введение в текст нескольких персонажей, изображение характеров, раскрытие их с помощью ярких деталей – все эти признаки приближают названные очерки к жанру рассказа. Но отсутствие ярко выраженной композиционной структуры текста, завязки, кульминационного момента, развязки, наличие публицистичности побуждает нас отнести их к жанру очерка.

Сам автор повествование «Камай. Из быта вотяков» называет рассказом. По мнению А. Г. Шкляева, произведения, созданные Г. Е. Верещагиным, синкретичны и жанры в них пока не разграничиваются. Внутри очерков спрятаны небольшие рассказы, зарисовки, сказки, басни и др. Так, например, жанр сочинений о Камае и Тукташе литературовед определяет как рассказ-очерк [Шкляев 1995, 15].

В нач. XX в. в удмуртской литературе, как и в других национальных литературах Урало-Поволжья, жанры очерка и рассказа развивались параллельно, но взаимопроникновение их было настолько велико, что почти не поддавалось дифференциации [Гузанова 2013, 11]. Жанр «дробился» на несколько разновидностей, в зависимости от объекта изображения, и от того, какую роль в тексте играют автор-повествователь и его герой. Подобная интеграция стирала жанровые границы, так что жанровая определенность многих произведений проблематична, что способствует рождению новых жанровых разновидностей [Дзюба 2011, 36] и утверждению функциональности синтеза жанров (художественный очерк и рассказ-очерк).

Образы Камаея и Тукташа Г. Е. Верещагин использовал в произведениях «*Вуж мыж*» («Ранее обещанная жертва») и в «Этнографических эскизах», как, по сути, в разных жанровых вариантах того же сочинения. Во втором из них этнографический материал, изложенный с помощью художественно-образительного сюжета и вполне завершенных микросюжетов, выстроен так, что

произведение композиционно и структурно выходит за пределы очерка и рассказа. Несмотря на множество вставных микросюжетов, здесь четко проступают и завязка, и кульминация, и развязка; с тонкостью наблюдений обрисованы характеры главных героев.

О приближении автора к поэтике повести свидетельствуют образ повествователя, организующего реалии изображенного, и четко выстроенная, завершенная событийная линия, усложнение художественного конфликта и сюжетосложения. По мысли М. Горького, очерк стоит между исследованием и рассказом как эскиз, набросок для памяти карандашом, пером; писатель указывал на особый творческий метод, использующий средства и беллетристики, и средства публицистики [Дзюба 2011, 37]. Слово «эскизы» в названии произведения допускает мысль о том, что автор полагал возможным на их основе создать нечто более цельное, по жанровым признакам на голову выше.

«Этнографические эскизы» сформированы из 7 частей. Семь эскизов–рассказов соответствует числу дней недели. События, описываемые в эскизах, связанные с подготовкой к обряду жертвоприношения, происходят на протяжении шести дней, сам обряд совершается на седьмой день – в воскресенье. Эскизы представляют собой единое произведение с линейной композицией в соответствии с содержанием, жанровой формой и замыслом автора.

Почти каждый эскиз можно рассматривать как отдельный законченный рассказ, имеющий завязку, кульминацию, развязку. Каждый рассказ в «Эскизах» – законченное художественное единство, при извлечении которого целое в значительной мере изменяет свой смысл, что и иллюстрируют «открытые концовки» и «подхватывающие начала», характерные для таких сочинений. Второй эскиз «Тукташ – вотский знахарь, или туначи» приносит в общий сюжет такие, например, сведения: «Вашими предками, – сказал знахарь, – была обещана жертва на старом месте жертвоприношения <...> Где это старое место? – говорили они (Камай и Атламыш. – В. В., Т. С.) мысленно <...> Соберите сход; спросите, того, другого, может быть, кто и припомнит <...> сказал знахарь». Третий эскиз «Кенеш – мирское совещание» начинается словами: «Из второго эскиза видно, что вотяки, по случаю холода и бездождия, когда всходы яровых и травы остановились в росте совершенно, решили обратиться к известному ворожцу Тукташу». Начало четвертого эскиза «Вуж инты утчан – искание старого жертвоприношения» гласит: «На другой день после совещания <...> человек двенадцать ушли в Ягул <...> место <...> осмотреть <...>». Названия эскизов: пятого «Вёсян азын – перед жертвоприношением»; шестого «Мадьскон уй – ночь повествований) и седьмого «Вуж мыж вёсян – исполнение обещанной предками жертвы» – говорят уже сами за себя.

Г. Е. Верещагин, как и другие писатели литературы с поздним литературогенезом, учился на материале таких текстов выстраивать фабульные события, диалоги персонажей. О приближении автора к поэтике всё более сложных художественных форм прозы свидетельствовали в тексте, прежде всего – образ автора, организующего повествование, и четко выстроенная, завершенная событийная линия.

Прием психологической характеристики персонажей через описание предметного мира – это большое достижение художественного очерка в начале ее становления. Система психологических деталей в очерке усилила эмоциональность повествования; сочетание диалога с портретными описаниями и подробностями интерьера довершило цельность картины.

Фольклорный материал, включенный в очерки Г. Е. Верещагина, главным образом, в виде прямых заимствований и фольклорных «цитат», стал их основой. Фразеологические единицы, пословицы, поговорки явились средством изображения национального характера (нравственных норм, психологии народа), выражения его менталитета, самобытности.

Как очеркист и рассказчик в одном лице, Г. Е. Верещагин, отталкиваясь от некоей проблемы и конкретного факта, создает живые образы, эстетически воздействующие на читателя. В произведении слились бытовая достоверность, идущая от очерка; обобщенность, идущая от философии; образная конкретность, идущая от рассказа; и всё это синтезировалось в своеобразной подаче материала.

Основные жанровые признаки *очерк* приобрел в 20–30-е гг. XX в. и наряду с зарисовкой дал начало развитию литературного рассказа. Свою жанровую определенность рассказ найдет в произведениях К. Митрея, А. Багая, К. Герда, И. Соловьева, И. Дядюкова, М. Кельдова, И. Гаврилова и других писателей.

ЛИТЕРАТУРА

Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. СПб.: Паритет, 2012. 320 с.

Верещагин Г. Е. Вуж мыж // РФ НОА УдмФИЦ УИИЯЛ УрО РАН. Д. 455. Оп. 2-Н. Лл. 87–181.

Верещагин Г. Е. Камай. Из быта вотяков // Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 1. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. С. 170–179.

Верещагин Г. Е. Вуж мыж // Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Кн. 2. Вып. 1. Ижевск УИИЯЛ УрО РАН, 2000. С. 153–203.

Верещагин Г. Е. Тукташ – вотский знахарь, или туначи // Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5: Литературные сочинения. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 272–283.

Верещагин Г. Е. [Вуж мыж]. Этнографические эскизы [Повесть] // Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5: Литературные сочинения. 2004. С. 261–350.

Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор и литература: грани взаимопроникновения // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: монография / Науч. ред. Т. А. Снигирева. Е. К. Созина. 2-е изд., доп. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2016. С. 13–27.

Голубков М. М. Русская литература XX века: После раскола. М.: Аспект Пресс, 2002. 267 с.

Гузанова Е. В. Эволюция жанра очерка в мордовской литературе: автореф. дисс. ... к. филол. н. Саранск, 2013. 22 с.

Дзюба А. С. Черты жанра очерка в рассказе «Отшельник» М. Горького // Вестник Университета Российской академии образования. 2011. № 1. С. 36–39.

Дзюба А. С. Своеобразие жанра очерка в прозе А. М. Горького 20–30-х годов XX века: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2013. 21 с.

Козина Т. Н. Становление исторической прозы в литературах Поволжья: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1991. 20 с.

Максимова О. М. Жанровые признаки и тенденции развития удмуртского очерка в период «оттепели» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Вып. 2. Т. 12. С. 54–67.

Родионов В. Г. Типология феномена Г. Верещагина (к проблеме становления национальных литератур) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. Вып. 4. С. 113–119.

Родионов В. Г. К проблеме становления национальных литератур народов Урало-Поволжья // Вестник Чувашского университета. 2012. Вып. 1. С. 296–301.

Шкляев А. Г. Чашьем нимъёс: Репрессия улэ шедем писательёс сярсь. Соослэн кылбуръёсы, веросьёсы, пьесаоссы, статьяоссы. Ижевск: Удмуртия, 1995. С. 15–23.

Domokos Péter. Az udmurt irodalom története / Domokos Péter. Budapest. Akadémiai Kiadó, 1975. Pp. 150–345.

Поступила в редакцию 17.05.2018

Ванюшев Василий Михайлович,

доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
e-mail: vvanushev@mail.ru

Степанова Татьяна Силантьевна,

специалист отдела филологических исследований,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
e-mail: stepanova2012@mail.ru

V. M. Vanyushev, T. S. Stepanova

Genre Syncretism of G.E. Vereshchagin's Fictional Prose. To the Problem of Genesis of the Udmurt Literature

In terms of genres the article deals with the features of the formation of prose in G. E. Vereshchagin's work. G. E. Vereshchagin (1851–1930) is the first Udmurt scholar and writer. In the period of the forming realism, the characteristics of the essay-style genre were determined by the development of the national and historical conditions, which can be revealed in the process of a typical form analysis. The following essays were used for the analysis: «Kamai. From the Votyaks' Life» and «Tuktash is a Votyak quack or *tunachi*», the story «Vuzhmyzh» («Previously promised sacrifice») and «Ethnographic sketches».

The scientific novelty of the study is determined by the short research of the essay genre in the period when the Udmurt literature started to form and develop.

The study confirms the differentiation of essay genres at the beginning of their formation, which was earlier revealed by other specialists in the study of literature. G.E. Vereshchagin's

essay-style writings (story, sketch and tale) are characterised by features like an abundance of figures of speech and expressive means, detailed images and narrative style.

Keywords: G. E. Vereshchagin, folkloristic and ethnographic works, prosaic genre, essay-style writings, sketch, essay, story, tale.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2018, vol. 12, issue 4, pp. 54–64. In Russian.

REFERENCES

Belokurova S. P. *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of literary terms]. Saint-Petersburg, Paritet Publ., 2012. 320 p. In Russian.

Vereshchagin G. E. Vuzh myzh [Previously promised sacrifice]. *RF NOA UdmFITs UIIYaL UrO RAN* [The manuscript Fund of the Scientific branch archive Udmurt Federal Research Center Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. D. 455. Op. 2-N, pp. 87–181. In Russian.

Vereshchagin G. E. Kamai. Iz byta votyakov [Kamai. From the life of Votiacs]. *Vereshchagin G. E. Sobranie sochinenij: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vol.]. Izhevsk, the Udmurt Institute of History, Language and Literature UB RAS Publ., 1998. Vol. 3: Etnograficheskie ocherki [Ethnographic sketches], b. 1, pp. 170–179. In Russian.

Vereshchagin G. E. Vuzh myzh [Previously promised sacrifice]. *Vereshchagin G. E. Sobranie sochinenij: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vol.]. Izhevsk, the Udmurt Institute of History, Language and Literature UB RAS Publ., 2000. Vol. 3: Etnograficheskie ocherki [Ethnographic sketches], b. 2, issue 1, pp. 153–203. In Russian.

Vereshchagin G. E. Tuktash – votskii znakhar', ili tunachi [Tuktash – votiac healer, or tunechi]. *Vereshchagin G. E. Sobranie sochinenij: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vol.]. Izhevsk, the Udmurt Institute of History, Language and Literature UB RAS Publ., 2004. Vol. 5: Literaturnye sochinenija [Literary works], pp. 272–283. In Russian.

Vereshchagin G. E. [Vuzh myzh]. Etnograficheskie eskizy [Povest'] [[Previously promised sacrifice] Ethnographic sketches [Story]]. *Vereshchagin G. E. Sobranie sochinenij: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vol.]. Izhevsk, the Udmurt Institute of History, Language and Literature UB RAS Publ., 2004. Vol. 5 Literaturnye sochinenija [Literary works], pp. 261–350. In Russian.

Vladykina T. G. Udmurtskii fol'klor i literatura: grani vzaimoproniknoveniya [Udmurt folklore and literature: facets of interpenetration]. *Permskie literaturnye v kontekste finno-ugorskoj kul'tury i russkoj slovesnosti: monografiya / Nauch. red. T. A. Snigireva. E. K. Sozina* [Perm literature in the context of Finno-Ugric culture and Russian literature: monograph / scientific editor T. A. Snigireva. E. K. Sozina]. 2th edition, supplemented. Ekaterinburg, Publishing House of the Ural University, 2016, pp. 13–27. In Russian.

Golubkov M. M. *Russkaya literatura XX veka.: Posle raskola* [Russian literature of the XX century: After the split]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2002. 267 p. In Russian.

Guzanova E. V. *Evolutsiya zhanra ocherka v mordovskoi literature: Avtoref. dis. kand. filol. nauk.* [Evolution of the genre of the essay in Mordovian literature. Extended abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Saransk, 2013. 22 p. In Russian.

Dzyuba A. S. Cherty zhanra ocherka v rasskaze «Otshel'nik» M. Gor'kogo [Features of the genre of the essay in the story “Hermit” by M. Gorky]. *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya* [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education], 2011, no. 1, pp. 36–39. In Russian.

Dzyuba A. S. *Svoeobrazie zhanra ocherka v proze A. M. Gor'kogo 20–30-kh godov XX veka: Avtoref. dis. kand. filol. nauk.* [The peculiarity of the genre of the essay in A. M. Gorky's

prose of the 20–30s of the XX century. Extended abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2013. 21 p. In Russian.

Kozina T. N. *Stanovlenie istoricheskoi prozy v literaturakh Povolzh'ya: Avto-ref. dis. kand. filol. nauk.* [Formation of historical prose in the literature of the Volga region. Extended abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Saransk, 1991. 20 p. In Russian.

Maksimova O. M. Zhanrovyye priznaki i tendentsii razvitiya udmurtskogo ocherka v period «ottepeli» [Genre signs and development trends of the Udmurt essay during the “thaw” period]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2018, vol. 12, issue 2, pp. 54–67. In Russian.

Rodionov V. G. Tipologiya fenomena G. Vereshchagina (k probleme stanovleniya natsional'nykh literatur) [Typology of the phenomenon of G. Vereshchagin (on the problem of the formation of national literatures)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2011, Issue 4, pp. 113–119. In Russian.

Rodionov V. G. K probleme stanovleniya natsional'nykh literatur narodov Uralo-Povolzh'ya [To a problem of formation of national literatures of the people of the Uralo-Volga region]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash university], 2012, vol. 12, issue 1, pp. 296–301. In Russian.

Shklyayev A. G. *Tshashjem nimjos: Repressiya ule shedem pisatel'es syarys'. Sooslen kylburjossy, verosjossy, p'esaossy, stat'yaossy* [Slain names. On Udmurt repressed writers. Their poems, stories, plays, articles]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 199. 447 p. In Udmurt.

Domokos Péter. *Az udmurt irodalom története* [The History of the Udmurt literature]. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1975, pp. 150–345. In Hungarian.

Received 17.05.2018

Vanyushev Vassiliy Mikhailovich,

Doctor of Sciences (Philology), Chief Researcher,
Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation
e-mail: vvanushev@mail.ru

Stepanova Tatyana Silantievna,

department of philological researches,
Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation
e-mail: sttepanova2012@mail.ru